

Е.Г.ЭТКИНД,
«Внутренний человек»
и внешняя речь

Очерки психопоэтики
русской литературы XVIII-XIX вв.

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1998

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ББК 81.2Р
Э 89

Автор считает долгом выразить сердечную благодарность перво-
читателям рукописи этой книги, оказавшим драгоценную помощь
при подготовке ее к изданию – советами и действиями: Дареджан
Маркович и Илье Серману.

Книга не была бы написана без щедрой поддержки
Берлинского Высшего исследовательского центра
WISSENSCHAFTSKOLLEG ZU BERLIN
INSTITUTE FOR ADVANCED STUDY BERLIN,
научным сотрудником которого автор состоял в 1996–1997 годах

Эткинд Е. Г.

Э 89

«Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психо-
поэтики русской литературы XVIII–XIX вв. – М.: Школа
«Языки русской культуры», 1998. – 448 с., 1 илл.

ISBN 5-7859-0048-3

ББК 81.2Р

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the
Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an
exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Шко-
ла «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма
G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0048-3

- © Е. Г. Эткинд, 1998
- © А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика.
Культура», 1995
- © В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК» В СВЕТЕ ПСИХОПОЭТИКИ

«Этот бог, затаившийся в статуе...»	11
Cogito ergo sum	12
О бездне Паскаля	14
Вселенная внутри	16
Язык для Невыразимого	19
«Внутренний человек» и психология	21

ГЛАВА I

ДО ПУШКИНА	25
Бесы и святые	27
«Внутренний театр»	28
«Дафнис и Хлоя»: за полторы тысячи лет до Карамзина	31
Размышление-диалог	32
События важнее мыслей	34

ГЛАВА II

А. С. ПУШКИН	37
«Стихи и проза, лед и пламень...» («Евгений Онегин»)	39
Великий Петр и маленький Евгений («Медный всадник»)	49
Возможен ли романтический классицизм («Полтава»)	55
Пушкинская проза	62
Внутреннее через внешнее («Капитанская дочка»)	65
Неразрешимая тайна творчества («Египетские ночи»)	68
Наполеон или Мефистофель? («Пиковая дама»)	71
«Zwei Seelen wohnen, ach, in meiner Brust...» (Goethe, «Faust»)	76

ГЛАВА III

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ	79
О «звуках небес» и «песнях земли»	81
«Волшебные звуки»	86
Святыня любви («Демон»)	88
«Немой, но внятный разговор» («Тамбовская казначейша»)	94
Загадка Печорина или пять масок («Герой нашего времени»)	95
Пейзажи души	106
«Ни ангельский, ни демонский язык»	108

ГЛАВА IV

И. А. ГОНЧАРОВ	115
Разговоры глухих («Обыкновенная история»)	117
<i>Монологи-письма</i>	118
«Диалоги глухих»	121
<i>Стилистические поединки: племянник — дядя</i>	124
Преодоление одиночества («Обломов»)	131
<i>Взаимонепонимание</i>	132

<i>Непонимание себя</i>	137
<i>Преодоление одиночества: любовь</i>	141
О книжной лжи и правде жизни («Обрыв»)	148
<i>Тайны трех женщин</i>	148
<i>Мнимые глубины</i>	149
<i>Глазами дилетанта</i>	151
<i>«Бenedиктовщина» Райского</i>	153
<i>Дворянская девка или Матерь наслаждений</i>	158
<i>Развенчание романтика</i>	160
<i>Внешняя оболочка и внутренняя сущность</i>	164

ГЛАВА V

И. С. ТУРГЕНЕВ	167
<i>Двойной человек («Ася»)</i>	169
<i>Язык природы («Дворянское гнездо»)</i>	182
<i>Люди внешнего мира</i>	182
<i>Люди внутреннего мира</i>	191
<i>Изнутри и извне («Первая любовь»)</i>	198
<i>От божества к Сатане («Вешние воды»)</i>	205

ГЛАВА VI

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ	215
<i>Под микроскопом романа («Преступление и наказание»)</i>	217
<i>Идея и Свобода</i>	217
<i>Про «Это»</i>	218
<i>Клубки мыслей</i>	219
<i>«Я» изнутри и «я» со стороны</i>	222
<i>Слои сознания и подсознания</i>	228
О легкой лжи и трудностях правды («Идиот»)	238
<i>Ложь: перевод без оригинала</i>	239
<i>Патологическая ложь (Лжец вдохновенный и лжец-интриган)</i>	241
<i>Патологическая правда</i>	246
<i>Одновременное и Вечность</i>	254
<i>Чем глубже чувство, тем беднее речь</i>	255
<i>Социальные роли и естественный человек</i>	257
<i>«Двойные мысли»</i>	265
<i>Слабость силы и сила слабости</i>	267

ГЛАВА VII

Л. Н. ТОЛСТОЙ	271
О первозданности детского зрения («Детство. Отрочество. Юность»)	273
<i>Что значит слово «влюблен»</i>	273
<i>О «понимании»</i>	280
<i>Все впервые</i>	283
Дух нации, душа человека («Война и мир»)	290
<i>Лаврушка умней Наполеона</i>	291
<i>«Точечные вторжения»</i>	295
<i>«С другой стороны души...»</i>	298
<i>Дух и плоть</i>	301
Глубинная правда («Анна Каренина»)	305

<i>Бесовская прелесть</i>	306
<i>В глубинах души</i>	309
<i>«Ясно и отчетливо, как доклад»</i>	315
<i>О пяти взаимопроникающих слоях</i>	316
Каждый умирает в одиночку («Смерть Ивана Ильича»)	321
<i>Как всегда все</i>	322
<i>Одиночество</i>	324
<i>«Не то!»</i>	329
<i>Лицом к лицу с Нею</i>	331

ГЛАВА VIII

В. С. М. ГАРШИН	339
Поэтика сиюминутности и крупных планов («Четыре дня»)	341

ГЛАВА IX

В ТЕНИ ЧЕХОВА	349
Мудрая глупость (Алексей Луговой. «Швейцар»)	351
Психологический взрыв (Вл. Тихонов. «Не пара»)	355
Язык наносной образованности (Вл. Немирович-Данченко. «С дипломом»)	358

ГЛАВА X

А. П. ЧЕХОВ	367
Марионетки и люди («Попрыгунья», «Дуэль»)	369
<i>Роль или душа</i>	377
<i>Эпиграф из Пушкина</i>	386
<i>О двойственности современного человека</i>	393
Молчание немоты и язык музыки («Скрипка Ротшильда»)	395
<i>Иванов и Ротшильд</i>	396
<i>Сюжет и стиль</i>	398
1. <i>Обманный юмор</i>	398
2. <i>Мир наизнанку</i>	401
3. <i>Где автор?</i>	403
4. <i>Без языка: «убытки»</i>	405
5. <i>Многослойность сознания</i>	408
О ПРОГРЕССЕ В ЛИТЕРАТУРЕ (вместо заключения)	413
ПРИЛОЖЕНИЕ	415

Блажен, кто молча был поэт.

Пушкин

*...Крылатый сердца звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах.*

Афанасий Фет

«ВНУТРЕННИЙ ЧЕЛОВЕК» В СВЕТЕ ПСИХОПОЭТИКИ

...навек останется незаполнимая пропасть между идеей (поэтической мыслью) и словом; слово навсегда останется неадекватным переживанию, всегда будет выражать мысли и чувства лишь приблизительно. Но задача поэта — выразить себя именно в слове.

Валерий Брюсов. «Ремесло поэта»
(1918)

«ЭТОТ БОГ, ЗАТАИВШИЙСЯ В СТАТУЕ...»

Понятие «внутренний человек» возникло в конце XVIII века — впервые я столкнулся с ним в сочинениях предшественника немецких романтиков Жан-Поля (Рихтера). В 1797 году Жан-Поль написал удивительный трактат «Кампанская долина или о бессмертии души», где находим следующее рассуждение:

До сих пор люди отмечали только звучания некоторых инструментов нашей плоти, которые сопровождают ощущение; например, разбухшее сердце или замедленная кровь при тоске, изливание желчи при гневе и т. п. Однако, сплетение, анастомоз *между внутренним и внешним человеком* настолько тесны и интенсивны, что рождение каждого образа, каждой мысли должно сопровождаться дрожью какого-нибудь нерва, какой-нибудь ничтожно малой мышцы; следует отмечать телесные отзвуки при возникновении поэтических, художественных, нумизматических, анатомических идей и класть эти отзвуки на ноты языка. Но способность тела к резонансу — это не духовная гамма и не гармония; огорчение ничуть не похоже на слезу, чувство стыда — на поднимающуюся к щекам кровь, шутка — на шампанское... *Внутренний человек*, этот бог, затаившийся в статуе, не каменный, как она, — в каменных членах статуи растут и созревают его живые органы на основании непонятных жизненных законов...¹.

Может быть, и до Жан-Поля кто-нибудь говорил о «внутреннем человеке»; термин, который вошел в заглавие настоящей книги, так или иначе родился именно в то время.

«Внутренний человек» в новой литературе Европы существовал и до появления этого словосочетания. Литература — и, конечно, философия — по-разному понимала происходящее «внутри»; менялось восприятие мысли и соотношения мысли со словом, призванным ее выразить, в е р б а л и з и р о в а т ь. Под *психопэтикой* автор книги разумеет область филологии, которая рассматривает соотношение *мысль—слово*, причем термин «мысль» здесь и ниже означает не только логическое умозаключение (от причин к следствиям или от следствий к причинам), не только рациональный процесс понимания (от сущности к явлению и обратно), но и всю совокупность внутренней жизни человека. *Мысль* (в обычном нашем словоупотреблении) передает содержание, которое Жан-Поль вкладывал в понятие «внутренний человек»; впрочем, этим сочетанием мы будем пользоваться часто, имея в виду многообразие и сложность процессов, протекающих в душе. Для начала заметим, что вербализация, то есть выраженность мысли внешней речью, существенно различна в разных культурно-стилистических системах.

«COGITO ERGO SUM»

Начнем с классицизма — каким он сложился во Франции XVII века. В основе классицистического миропонимания — картезианский рационализм, который приобрел зрелые черты в трактате Рене Декарта «Рассуждение о методе» (1637). Мыслитель последовательно отвергает различные показания наших ощущений и чувств, считая их недостоверными; он приходит к выводу, что единственным неоспоримым доводом в пользу собственного его существования является с о м н е н и е, то есть рациональная мысль; Декарт приходит к утверждению: «Истина я мыслю, значит, я существую» столь прочна и столь достоверна, что самые причудливые предположения скептиков неспособны ее поколебать; я рассудил, что могу без опасения принять ее за первый искомый мною принцип философии»². Все дальнейшие рассуждения Декарта подчинены этой посылке: «*Je pense donc je suis*» — «*Cogito ergo sum*»; не «вижу, слышу, обоняю, осязаю, люблю, ненавижу», а «мыслю». Декарт рассуждает о машинах-автоматах (в нашу компьютерную эпоху это особенно актуально) и делает вывод, что машины, как бы они ни были совершенны, «никогда не могли бы пользоваться ни словами, ни другими знаками, составляя их так, как делаем это мы, чтобы передать другим наши мысли» (с. 300—301).

Литературная практика классицизма свидетельствует о том, что картезианство до конца определило его эстетику и поэтику. Никола Буало в «Поэтическом искусстве» (*Art poétique*, 1674) на первое, определяющее место выдвигает *разум* и им определяемый *смысл*:

Будь то в трагедии, в эклоге или в балладе,
Но рифма не должна *со смыслом* жить в разладе.

(Que toujours le bon sens s'accorde avec la rime)

Меж ними ссоры нет и не идет борьба:
Он — властелин ее, она — его раба.
Коль вы научитесь искать ее упорно,
На голос *разума* она придет покорно,
Охотно подчинясь привычному ярму,
Неся богатство в дар владыке своему.
Но чуть ей волю дать — восстанет против долга,
И *разуму* ловить ее придется долго.
Так пусть же будет *смысл всего дороже* вам,
Пусть блеск и красоту лишь он дает стихам!

(Aimez donc la Raison. Que toujours vos écrits
Empruntent d'elle seule et leur lustre et leur prix).

Всего важнее *смысл*; но чтоб к нему прийти,
Придется одолеть преграды на пути,
Намеченной тропы придерживаться строго:
Порой *у разума всего одна дорога*.

(La Raison, pour marcher, n'a souvent qu'une voie)

(Песнь I. Перевод Эльги Линецкой)

Последнее утверждение особенно весомо; оно концентрирует в себе эстетику (шире — философию) классицизма; существует только один путь Разума, только один художественный идеал — как и одна-единственная истина. В сущности, выбор слова не может вызывать сомнений, потому что

Обдумать надо мысль и лишь потом писать.
Пока неясно вам, что высказать хотите,
Простых и точных слов напрасно не ищите;
Но если замысел у вас в уме готов,
Все нужные слова придут на первый зов.

(Avant donc que d'écrire, apprenez à penser.
Selon que notre idée est plus ou moins obscure,
L'expression la suit ou plus nette, ou moins pure.
Ce que l'on conçoit bien, s'énonce clairement,
Et les mots pour le dire arrivent aisément.)

Трудно что-либо до конца понять — трудно, но необходимо и всегда доступно. Непонятного нет ничего, да и быть не может. Как только мы *поняли*, как только рациональная мысль приобрела отчетливый характер, так нужное слово представится само. Его поиск — вопрос, так сказать, техники. Это соответствующее мысли слово — единственно; не

должно быть колебаний между эмоционально близкими синонимами. Слово единственно, как алгебраический знак, как научный термин.

Лучший поэт классицизма Жан Расин избирает для своих трагедий сюжеты, построенные на внутренней борьбе, на неспособности человека победить обрушившуюся на него роковую страсть. Страсть, ниспосланная судьбой, богами, природой, неодолима, герой гибнет; однако сила его разума настолько велика, что, раздавленный преступной любовью или ненавистью, ревностью, властолюбием, страхом, он способен на разумный анализ собственного состояния. Федра не в силах совладать с любовью к своему пасынку, но она с удивительной ясностью анализирует свое состояние — своей наперснице и кормилице Эноне она подробно излагает свою «историю болезни»:

...я, глядя на него, краснела и бледнела,
 То пламень, то озноб мое терзали тело,
 Покинули меня и зрение, и слух,
 В смятенье тягостном затрепетал мой дух;
 Узнала тотчас я зловещий жар, разлитый
 в моей крови — огонь всевластной Афродиты...
 ... я стала избегать его. Но все едино:
 В чертах отца — увы! — я находила сына!
 Тогда решилась я восстать против себя,
 и, страсть преступную насильственно губя,
 Любимого врага преследовать я стала.
 Роль злобной мачехи искусно разыграла...

(Pour bannir l'ennemi dont j'étais idolâtre,
 J'affectai les chagrins d'une injuste marâtre)

(Действие III, сцена 3.
 Перевод Михаила Донского)

Неправдоподобное соединение иррациональной губительной страсти с предельно-рациональным ее анализом, принадлежащим обезумевшей, казалось бы, от горя и бессилия героине трагедии.

О БЕЗДНЕ ПАСКАЛЯ

Соединение безумия и разума, апокалиптического отчаяния и уверенно-рационального начала обнаруживается даже в «Мыслях» Блеза Паскаля (опубл. 1669):

Величие человека — в его способности мыслить.

Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе

не надо всей Вселенной; достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо он сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает.

Итак, все наше достоинство — в способности мыслить. Только мысль возносит нас, а не пространство и время, в которых мы — ничто. Постараемся же мыслить достойно: в этом — основа нравственности³.

Паскаль постоянно размышлял о Вечности, не подвластной Разуму; Бодлер с полным основанием посвятил ему сонет «Бездна» (1862), начинающийся строкой:

Pascal avait un gouffre avec lui se mouvant

(У Паскаля была бездна, передвижавшаяся вместе с ним)

Паскаль оказался предшественником нового миропонимания — романтического. Однако, в центре его Вселенной — еще рациональная мысль, анализирующий Разум:

...чем является человек в природе? Ничем относительно бесконечности, всем — относительно небытия; он расположен между ничем и всем.

И все же Паскаль, даже Паскаль, — не сетовал на слово, не ощущал его недостаточности для выражения «внутреннего человека».

Ужас, возбуждаемый в нас бессилием разума понять тайны бытия и небытия, бессилием слова передать нашу мысль — даже ущербную, — выразил ровно через 200 лет после смерти Паскаля Бодлер в упомянутом сонете «Бездна» (вполне возможно, что Бодлер и создал свое стихотворение в связи с двухсотлетием смерти Паскаля):

Да, бездна есть во всем: в деяниях, в словах...
И темной пропастью была душа Паскаля.
Из бездны Смерть глядит, злорадно зубы скаля,
И леденит мне кровь непобедимый страх.

Томят безмолвные, пугающие дали,
Ужасна глубина, сокрытая в вещах;
Кошмары Божий перст рисует мне впотьмах,
Как знаки тайные на некоей скрижали,

Боюсь уснуть; ведь сон — зияющий провал —
В Неведомое путь не раз мне открывал;
И мысль моя давно над пропастью повисла;